

Юнона Белова

ИГРУШКА ЖЕСТОКОГО НАСЛЕДНИКА.

ТЫ ЗАСТАВИЛ МЕНЯ ПОЛЗАТЬ
НА КОЛЕНЯХ ПЕРЕД ВСЕМ КУРСОМ!

Юнона Белова

**Игрушка жестокого наследника.
Ты заставил меня ползать на
коленях перед всем курсом!**

«Автор»

2026

Белова Ю.

Игрушка жестокого наследника. Ты заставил меня ползать на коленях перед всем курсом! / Ю. Белова — «Автор», 2026

Алина приехала в медицинскую академию за мечтой стать врачом. Но в первый же день случайно роняет дорогие инструменты Виктора Стрельцова — наследника влиятельной врачебной семьи. Он заставляет её ползать по полу перед всем курсом, а дочь ректора превращает жизнь бедной стипендиатки в кошмар. Унижения, ложные обвинения, угроза отчисления — кажется, против Алины весь университет. Но у неё есть редкий талант замечать то, что упускают другие, и смелость докопаться до скрытых махинаций. Пока жестокий Виктор затягивает её в опасную игру, рядом оказывается Матвей. Кому довериться, когда на кону будущее? И сможет ли девушка поставить на место тех, кто считал её ничтожеством?

© Белова Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Юнона Белова

Игрушка жестокого наследника.

Ты заставил меня ползать на коленях перед всем курсом!

Глава 1

Я не дышала. Совсем.

Гул в ушах был громче шагов по линолеуму коридора общежития «Аскольд». На лямке рюкзака торчала нитка. Я намотала её на палец и тянула, пока она не врезалась в кожу: смотреть на этот палец было проще, чем на лица у двери. Я была здесь три дня. Три дня тишины, три дня попыток стать незаметной, как серая мышь в библиотеке или трещина на стене. Сегодня — первый практический по анатомии. Допуск к живым моделям и трупам. Шанс доказать, что я не ошибка ректора, а стипендиатка из глухой деревни, которая знает названия всех костей лучше, чем многие городские дети знают свои права.

Впереди была аудитория №304. Дверь была приоткрыта. Свет внутри резал глаза, но я знала: если войду сейчас, успею сесть в последнем ряду, за колонной. Там темно. Там безопасно.

Я толкнула дверь плечом. Слишком сильно. Или слишком неудачно.

Мой локоть задел угол стола, который стоял чуть ближе к проходу, чем остальные. На столе лежал футляр — черная кожаная папка с золотой окантовкой, которую я видела у Виктора Стрельцова, когда он входил в аудиторию первым, занимая место у окна. Внутри были инструменты. Его инструменты. Те самые, которые стоили больше, чем моя годовая аренда квартиры.

Звук падения был тихим, почти интимным. Щелчок замка, шорох металла о пол, звон стекла.

Время остановилось.

Все тридцать человек в аудитории замерли. Даже щелчок замка ещё звенел у меня в ушах. Разговоры обрывались на середине фраз. Кто-то перестал листать конспект. Преподаватель, старый профессор Игнатъев, даже не поднял головы от журнала.

Я ждала, что кто-нибудь скажет: бывает, подними. Хотя бы тот парень, с которым мы вчера сверяли расписание. Он закрыл конспект поверх телефона и уставился в стол. Теперь даже наклониться за инструментами казалось признанием вины.

— Осторожнее, — голос Виктора Стрельцова не был громким. Он был ледяным. Ровным, как скальпель, которым режут нерв, чтобы пациент не дернулся.

Я обернулась. Виктор сидел неподвижно, его темные глаза смотрели на разбросанные вокруг его ног предметы. Пинцеты, зонды, маленькая стеклянная баночка с фиксатором для биопсии. Стекло было целым, крышка отлетела, и содержимое пролилось на белый кафель.

— Простите, — мой голос сорвался на шепот. Горло свело судорогой. — Я... я случайно. Локоть...

Из первого ряда, прямо напротив входа, раздался смех. Звонкий, хрустальный, такой же чистый, как и её белоснежные туфли на высоком каблуке. Кира Дорн. Капитан студенческого совета. Дочь ректора. Королева этой академии, где все знали её фамилию раньше, чем её имя.

— Случайно? — Кира поднялась со своего места, грациозно, как пантера, потянувшись после сна. Она подошла к месту аварии, не спеша. Каждый шаг отдавался эхом в мертвой тишине аудитории. — Ты думаешь, случайность оправдывает халатность, Алина?

Она использовала моё полное имя. Так говорят учителям, когда хотят подчеркнуть дистанцию. Или палачам, перед ударом.

— Это дорогой набор, — продолжала Кира, опуская взгляд на меня. Её ресницы были длинными, покрашенными идеально, без единого комочка туши. — Такие вещи не роняют. Их боятся сломать. А ты... ты просто грязная рука из глубинки, которая не понимает ценности чистоты.

— Я могу собрать всё, — сказала я, чувствуя, как краска стыда ползет от шеи к щекам. Жарко. Неприятно. Как будто кто-то плеснул кипятком.

— Собрать? — Кира усмехнулась. Она указала пальцем на опрокинутую баночку и на рассыпавшиеся металлические инструменты. — Нет. Ты будешь убирать их руками. Прямо сейчас. Перед всем курсом. Потому что твои руки недостойны касаться стерильных материалов в перчатках. Они должны привыкнуть к тому, что они — мусор.

Я посмотрела на Виктора. Он не вмешивался. Он наблюдал. Его лицо было пустой маской, но в глазах плясали искры интереса. Он даже не наклонился за своим пинцетом. Ждал, когда это сделаю я. Хотелось сунуть ему кейс в руки и уйти, но я уже считала рассыпавшиеся предметы: если чего-то не хватит, обвинят меня.

— Убери, — одно слово от Стрельцова. Тихо. Но оно упало в тишину, как камень в колодец.

Колени дрогнули. Инстинкт кричал бежать, но ноги уже гнулись вниз. Я опустила на четвереньки. Холодный кафель впивался в колени через тонкую ткань джинсов. Голова кружилась.

Десятки глаз смотрели на меня. Сверху вниз. Презрение. Любопытство. Радость от чужого падения. Кто-то тихо хихикал. Кто-то доставал телефон, прикрывая экран книгой.

— Быстрее, — приказала Кира, скрестив руки на груди. — Пока профессор не начал лекцию. Мы не хотим, чтобы весь курс опоздал из-за одной ошибки стипендиатки.

Я начала собирать инструменты. Руки тряслись так сильно, что пинцет выпал из пальцев дважды. Каждый предмет, который я поднимала, ощущался как чужое имущество, которое мне запрещено трогать. Металл был холодным, липким от моего страха.

На третьем инструменте, маленьком хирургическом ноже с острым краем, моя рука соскользнула. Лезвие прошло по подушечке большого пальца.

Боль пришла позже удара. Резкая, жгучая вспышка. Я вскрикнула, но звук получился сдвинутым.

Пытаясь подняться, я задела окровавленным пальцем край белого халата Виктора Стрельцова, висевшего на спинке стула рядом со мной. Красное пятно на снегу. Кричащее, неприличное, живое пятно.

Виктор медленно повернул голову. Он посмотрел на кровь, затем на меня. Ни тени беспокойства. Только отвращение.

Он достал из кармана брюк салфетку. Аккуратно, двумя пальцами, промокнул пятно на халате. Затем скомкал её в шарик.

— Вытирай, — сказал он, бросая мокрый комоч мне в лицо.

Салфетка ударила в нос, скользнула по щеке, оставляя влажный след, и упала на пол рядом с моими коленями.

— Чисти себя, — добавил он, возвращаясь к своему блокноту. — И не дай бог тебе испачкать ещё что-нибудь своим телом.

Профессор Игнатъев наконец поднял голову. Он посмотрел на нас троих: на Киру, стоящую с надменным видом; на меня, сидящую на полу с окровавленным пальцем; на Виктора, пишущего заметки.

— Продолжаем, — сказал он ровным голосом, открывая журнал. — Тема занятия: поверхностная анатомия верхних конечностей. Откройте учебники на странице сорок пять.

Никто не встал. Никто не предложил помощь. Игнатъев опустил глаза в журнал; студенты вслед за ним уткнулись в учебники, делая вид, что ничего не происходит. Что унижение студентки на глазах у всего потока — это часть учебного процесса. Или просто фон.

Я осталась одна в центре внимания. Под светом ламп дневного света, которые казались прожекторами суда. Кира держала телефон перед собой, направив камеру на меня. Фотографии. Видео. Моя жизнь превращалась в мем, в смешную историю для чата курса.

Лекция тянулась бесконечно. Собрав инструменты, я забралась за последнюю парту, стараясь не смотреть на людей, которые проходили мимо, задевая моё плечо. Боль в пальце пульсировала в такт сердцебиению, заглушая слова профессора.

Когда занятие закончилось, Кира подошла к преподавателю, что-то тихо шепнула ему. Профессор кивнул, не глядя на меня.

Кира развернулась к классу.

— Внимание, — её голос стал официальным, как объявление на вокзале. — В связи с порчей имущества академии и нарушением правил безопасности на практических занятиях, студентка Ветрова Алина назначается ответственной за уборку лаборатории анатомии №304 после каждого занятия до конца семестра. Также она обязана возместить стоимость поврежденных расходных материалов из своих средств. Если хоть один инструмент будет потерян или испорчен снова — вопрос об отчислении будет решен немедленно.

Шепот по классу. Некоторые ребята переглядывались, некоторые ухмылялись. Это было не наказание от системы. Это был самосуд королевы. И все приняли его как данность. Как закон природы: сильные едят слабых.

Я молча кивнула. Кира сунула мне копию протокола повреждений с подписью Стрельцова: «Сохрани для оплаты». Я спрятала её в рюкзак. Слова застряли в горле комом грязи.

Глава 2

Выход из аудитории был спасением. Я шла быстро, стараясь не шататься, прижимая раненый палец к груди. Коридор встретил меня шумом толпы, запахом кофе и дезодорантов. Здесь было легче дышать, но стыд не отпускал. Он жил внутри меня, как паразит.

Я свернула за угол, к лифтам, чтобы подняться в общежитие. Нужно было перевязать палец. Нужно было умыться. Нужно было исчезнуть.

И тут я столкнулась с кем-то.

Не сильно. Просто врезалась в твердую грудь.

Подняла глаза. Серая куртка. Темные волосы, слегка растрепанные ветром с улицы. Спокойные, внимательные глаза.

Матвей Громов. Интерн при кафедре травматологии. Тот, кого редко видели в общих коридорах, потому что он всегда был занят в операционных или архивах.

Он не отшатнулся. Не засмеялся. Не отвел взгляд.

Его взгляд скользнул по моему лицу, затем вниз, к руке, которую я прижимала к себе. Кровь уже запеклась, образуя темную корочку, но края раны всё ещё были влажными и красными.

Матвей молча полез во внутренний карман куртки. Достал упаковку бактерицидного пластыря. Отклеил защитную полоску.

Протянул руку.

Я вздрогнула, ожидая удара или насмешки. Но он просто ждал.

— Возьми, — сказал он тихо. Голос был низким, бархатным, без той холодной стали, что звучала у Виктора.

Я неуверенно протянула раненую руку. Он аккуратно, своими большими, мозолистыми пальцами, взял мой окровавленный палец. Кожа была теплой. Живой.

Он наложил пластырь. Прижал его сверху, проверяя надежность. Затем отпустил.

— Кровь — это только железо, — произнес Матвей, глядя мне прямо в глаза. В его взгляде не было жалости. Было что-то другое. Что-то вроде признания. — Ты жива. Это уже победа над ними.

Эти слова ударили сильнее, чем крик Киры. Они вскрыли то, что я пыталась отрицать всю дорогу: я была не вещью, которую можно выбросить. Я была человеком. Раненым, униженным, но живым.

Матвей не улыбнулся. Он лишь коротко кивнул и прошел мимо, направляясь к лестнице, ведущей в крыло интернатуры. Его шаги удалялись, растворяясь в гуле коридора.

Я осталась стоять посреди потока студентов. Люди толкали меня, обходили стороной, спешили куда-то. Но я не чувствовала давления.

Я посмотрела на свой большой палец, скрытый под бежевым пластырем. Затем подняла взгляд на спину Матвея, которая удалялась вдаль. На серой ткани его рукава было небольшое пятно. Красноватое.

Я испачкала его куртку, когда он придерживал мою руку. Теперь ждала, что он обернется, поморщится, велит стереть пятно. Матвей даже не проверил рукав.

Пятно на его рукаве оставалось, а он шёл дальше. Я расправила пальцы, щадя заклеенный большой. Этой рукой ещё придётся писать, держать иглу, сдавать зачёты. Она не стала грязной только потому, что Кира так сказала.

И впервые за этот адский день, среди запаха дезинфекции и чужого презрения, мне захотелось не исчезнуть, а остаться.

Запах формальдегида и старой пыли въедается в ноздри, но сегодня он перебивается чем-то более резким — ароматом дорогих духов Киры Дорн. Мы сидим на лекции по анатомии,

профессор монотонно бубнит о медиальной головке бедренной мышцы, рисуя мелом схемы, от которых у меня уже рябит в глазах. Я сижу в последнем ряду, сжавшись в комок, стараясь стать невидимой. Но невидимость — роскошь, которую мне не позволили купить вместе с учебниками.

— Алина, — голос Киры звучит мягко, почти ласково, но каждый студент в аудитории вздрагивает. Она не поднимает головы от телефона, её пальцы с идеальным маникюром скользят по экрану. — Мой рюкзак испачкался. Протри его. Сейчас.

Я замираю. Влажная салфетка лежит на парте перед ней. Рядом — дорогой кожаный рюкзак с пятном от кофе, которое она специально оставила, чтобы проверить мою реакцию.

— Кира, у нас лекция, — шепчу я, чувствуя, как кровь приливает к щекам. Жар стыда обжигает шею. — Правила академии запрещают...

— Правила для тех, кто платит за обучение, деточка, — она наконец поднимает глаза. В них нет злости, только скучающее превосходство хищника, играющего с мышью. — Отец может очень быстро изменить эти правила. Или ты хочешь оказаться на улице до конца семестра? Ты же знаешь, как легко лишить стипендиата места в общежитии за «нарушение дисциплины».

Мои пальцы холодеют. Я помню вчерашний день. Помню звук падающего скальпеля. Помню взгляд Виктора Стрельцова, который смотрел на меня так, будто я мусор, случайно попавший в лабораторию. Я медленно встаю. Стул со скрипом отодвигается назад. Вся аудитория замерла. Профессор делает вид, что читает нотацию, но его плечи напряжены.

Я беру салфетку. Она влажная и холодная. Подхожу к первой парте. Кира даже не потрудилась отодвинуть ногу, чтобы освободить место. Мне приходится присесть на корточки прямо перед ней, среди ног других студентов. Я начинаю тереть кожу. Пахнет чужими деньгами, чужой уверенностью и моим собственным унижением. Каждый мазок кажется ударом по моему достоинству.

Вдруг рядом раздается тихий щелчок. Виктор Стрельцов, сидящий чуть в стороне, кладет на мою спину использованный маркер. Незакрытый наконечник черкнул по ткани моего старого свитера. Я чувствую запах химии, тошнотворный и удушающий.

— Очисти и это, — говорит он, не глядя на меня. Его голос низкий, бархатный, и от него мурашки бегут не от страха, а от какого-то извращенного электричества. — Если ты дрогнешь сейчас, Алина, я скажу ректору, что ты эмоционально нестабильна. Тебе нужно будет пройти тестирование. Знаешь, как оно заканчивается для таких, как ты?

Он произносит «тестирование» и смотрит, когда я опущу голову. Я ненавижу, что опускаю. Если начну спорить, маркер останется на свитере, а моя фамилия окажется в докладной. Если вытру — они досмотрят это представление до конца. Я сжимаю челюсти, чтобы не вскрикнуть, и принимаюсь вытирать чернила с его пальцев, на которые он указывает испачканным маркером. Кожа Виктора горячая. Это неправильно. Это опасно. Но я продолжаю, потому что страх перед отчислением сильнее отвращения.

Перерыв. Коридоры медицинского корпуса всегда шумные, пахнут хлоркой и жареным мясом из столовой. Я держу в руках ведро с мыльной водой, которой обязалась вымыть пол после обеда курса Киры. Мои руки краснеют от горячей воды и щелочи. Кожа трескается, под ногтями скапливается грязь.

Группа парней из футбольной команды блокирует проход. Они смеются, толкаясь. Один из них, высокий блондин с глупым лицом, наступает на еще мокрый участок пола. Он театрально поскользывается, хватаясь за стену, и падает на четвереньки.

— Эй! Ты залила всё помоями! — кричит он, показывая на свои белые кроссовки, которые тут же пачкаются серой жижей. — С тебя пятьсот рублей за обувь, нищенка!

Телефоны поднимаются вверх. Камеры направляют на меня объективы, как дула пистолетов. Я слышу смешки, вижу отражение своего лица в экранах: волосы слиплись, лицо красное

от жара и стыда, глаза опущены. Они снимают контент для своих соцсетей. «Студентка-прислуга», «грязная работа». Пятьсот рублей. Я уже прикидываю, на сколько обедов их хватило бы, и тут же злюсь на себя: он назвал цену, а я мысленно полезла за кошельком. Я пытаюсь уйти, но ноги не слушаются. Тело деревенеет.

И тогда появляется Матвей.

Он не бежит, не кричит. Просто идет своим тяжелым шагом интерна, который привык носить груз ответственности. Он останавливается между мной и толпой. Его тень ложится на мокрый пол, создавая иллюзию стены.

Блондин пытается схватить телефон друга, который снимает меня крупным планом. Матвей спокойно перехватывает запястье парня. Не резко, но неотвратно. Он отпускает блондина и забирает телефон у его друга, который наконец перестает снимать.

— Снимать людей без их согласия — это административная статья, — говорит Матвей ровно, без эмоций. — Плюс нарушение правил внутреннего распорядка академии. Хотите проблем с деканатом? Или уберете камеру и извинитесь?

Блондин шагает вперед, толкает Матвея в грудь. Матвей даже не шатается. Он просто смотрит на него сверху вниз. В его глазах нет злобы, только спокойная, холодная уверенность человека, который видит мир таким, какой он есть, и не боится его. Матвей опускает телефон и возвращает его владельцу. Парень отшатывается, бормочет извинения и уходит вместе с остальными. Тишина повисает в коридоре.

Матвей молча протягивает мне свой носовой платок. Чистый, белый, сложенный аккуратным квадратиком. Я беру его, чувствуя тепло чужих рук. Это контраст с жестокостью Виктора. Я впервые за утро могу вытереть лицо, не прикрываясь рукавом от чужой камеры. Но когда я поднимаю глаза, Матвей уже отвернулся, направляясь в свою лабораторию. Я держу платок обеими руками. На нем останется грязь с моего лица; придется постирать и вернуть. Мне нравится эта маленькая, выполнимая задолженность. Без угрозы отчисления.

Глава 3

Столовая. Гул голосов, звон посуды, запах компота и котлет. Я сижу в углу, где никто не хочет занимать место рядом с «обслужуей». Передо мной дешевый обед: каша и чай. Я ем механически, глядя в одну точку. Голова раскалывается.

Резко свет меняется. Над моей головой вырастает фигура Киры. Она ставит передо мной поднос. На нем остатки еды: недожеванный кусок мяса, залитые жиром макароны, чашка с недопитым чаем. На краю подноса прилипла чужая жвачка.

— Доедай, — приказывает она. — Чтобы не выбрасывать еду беднякам. Ты же любишь экономить, да?

Тошнота подкатывает к горлу комком. Запах чужой биологической жидкости вызывает позыв рвоты. Я отодвигаю поднос.

— Я не голодна, Кира.

Она хватается меня за запястье. Ногти впиваются в кожу, оставляя полумесяцы боли.

— Ешь. Или я расскажу всем, что ты стащила деньги из фонда помощи студентам. У меня есть доказательства. Фотография того, как ты рылась в шкафу декана.

Это ложь. Абсолютная, наглая ложь. Но кто поверит мне, «грязной руке»? Кто станет проверять правдивость дочери ректора? Граница дозволенного стирается. Меня загоняют в угол и социальным статусом, и ложным обвинением в краже, которое может стоить мне свободы или жизни.

Я открываю рот, чтобы возразить, но вдруг рука Киры отдергивается. Поднос летит в сторону, ударяясь о край стола.

Виктор Стрельцов стоит рядом. Он не смотрит на Киру. Он смотрит на часы на своей руке.

— Она уже достаточно унижена, — произносит он холодно, отряхивая манжету рубашки, как будто поднос был заразен. — Не тратьте моё время на ваши детские игры, Дорн.

Кира ахает, ее лицо искажается от ярости.

— Виктор, ты...

— У неё есть ещё два часа на лабораторную, — перебивает он, не повышая голоса. — Если она опоздает из-за вашей истерики, я сам напишу докладную на тебя. За саботаж учебного процесса. Понимаешь, о чем я говорю?

Кира сжимает губы в тонкую линию. Она понимает угрозу. Стрельцовы контролируют хирургическое отделение. Для нее это значит конец гранта. Она развернулась и ушла, хлопнув дверью так, чтодребезжат стекла.

Я остаюсь одна. Виктор даже не посмотрел на меня. Он просто взял свой кофе и вышел. Мне всё ещё хочется убрать со стола поднос, который он отшвырнул. Кира вернется и предъявит счет. Он заставил её отступить, но даже не спросил, успеваю ли я на лабораторную. Ему хватило двух слов, чтобы распоряжаться нами обеими. Мне страшно, что я ждала третьего — обращенного только ко мне.

Моя сумка исчезла со спинки стула. Я проверяю под столом, у раздачи — пусто. Иду к туалету: вдруг оставила там до обеда. Руки трясутся. Нужно умыться. Нужно прийти в себя. Зеркала здесь всегда мутные, покрытые известковым налетом. Я включаю воду, подставляя лицо под струи. Холодная вода стекает по подбородку, смешиваясь с солоноватыми каплями слез.

Когда я поднимаю голову, мой взгляд падает на пол под раковиной. И сердце останавливается.

Моя сумка лежит на полу. Раскрытая. Все конспекты по анатомии, которые я переписывала ночами, крохотным почерком, вглядываясь в каждую деталь, разбросаны вокруг. Бумага

намокла. Чернила потекли синими и черными ручьями, превращая рисунки мышц и нервов в абстрактные пятна. Это единственное, что осталось от моей учебы. От моего будущего.

Я падаю на колени, пытаюсь собрать страницы, но они рвутся под пальцами. Вода из переполненной раковины льется мне на лицо.

Из кабинки выходит девушка. Первокурсница. Та самая, которая вчера улыбнулась мне и сказала, что моя прическа красивая. Она смотрит на меня с жалостью, но в глазах читается не сочувствие, а презрение.

— Кира сказала, что ты сама это сделала, — тихо произносит она, перешагивая через мои размокшие бумаги. — Чтобы вызвать жалость. Все знают, что ты симулянтка. Тебе нравится быть бедной и несчастной.

Она уходит, оставив дверь открытой. На телефоне вспыхивает уведомление деканата: допуск к лаборатории приостановлен до разбора нарушения. Конспекты еще можно переписать. Без допуска мне нечего будет сдавать. Я сижу на полу, окруженная лужей и разрушенными мечтами. Вчера я собиралась попросить эту девочку одолжить конспект. Теперь провожаю глазами подошвы её туфель: она даже не старается обойти мои листы. Моя «тихая стойкость» воспринимается окружающими как хитрая манипуляция. Я одна. Абсолютно, тотально одна.

В зеркале напротив я вижу свои глаза. Они пустые, как у мертвеца: вместо страха и злости — вакуум.

Скрип двери нарушает тишину. Шаги. Медленные, размеренные.

Я не поднимаю головы. Я знаю, кто это. Запах дорогого табака и антисептика заполняет маленькое пространство туалета.

Виктор Стрельцов не помогает поднять бумаги. Он не предлагает руку. Он просто стоит над мной, нависая тенью, и смотрит вниз. Его глаза темные, непроницаемые.

— Ну что, научилась держать равновесие? — спрашивает он. В его голосе нет насмешки, только исследовательский интерес врача, изучающего реакцию пациента на критическую дозу препарата. — Или мне нужно было сделать это более... болезненно?

Коридор кафедры травматологии пах хлоркой и чужим страхом. Я сидела на полу, прижавшись спиной к холодной стене, и чувствовала, как кафельная крошка впивается в тонкую ткань моих штанов. В голове гудело, но не от удара — от тишины. Той самой, которая наступает, когда тебя вычеркивают из списка живых.

Дверь кабинета заведующего была закрыта. На табличке висел график приема: «Пн-Чт, 14:00–16:00». Сейчас было 13:58. Две минуты до того, как я могла бы просто постучать и сказать: «Я хочу оспорить решение». Но секретарша, женщина с лицом, высеченным из мрамора и равнодушия, уже ждала меня у двери, скрестив руки на груди.

— Студентка Ветрова, заведующий занят, — бросила она, даже не посмотрев на мои глаза. — Записи нет. Идите домой или убирайте за собой. Как обычно.

Её голос был мягким, как бархат, которым заворачивают трупы. Это не было отказом. Это было подтверждением статуса. Я не пациент, не коллега, не человек. Я — функция по устранению последствий чужих ошибок.

Я не ушла. Я осталась. Медленно, будто тело весило тонну, я придвинулась к двери и снова села на пол, прямо под носом у секретарши. Она фыркнула, отвернулась и стала полировать столешницу. У секретарши есть кресло, у меня — участок пола. Пусть хотя бы двадцать минут смотрит на то, куда меня посадили. Я положила ладони на колени, чтобы не чесать саднящую кожу, и больше не спрашивала разрешения постучать.

Спустя двадцать минут дверь открылась. Оттуда вышел Матвей Громов. Интерн. Высокий, в белом халате, который на нем всегда выглядел так, словно он одолжил его у кого-то более крупного и сильного. Он остановился, увидев меня. Его лицо ничего не выражало, но пальцы, державшие планшет, побелели на костяшках.

— Здесь нельзя сидеть, студентка Ветрова, — сказал он ровно, без интонаций. — Это нарушение санитарных норм. Коридор является зоной стерильности для прохода пациентов.

Я подняла на него глаза. Синяки под ними горели огнем, а во рту стоял металлический привкус страха. Но внутри что-то шелкнуло. Я помнила страницу устава: широкое поле слева, загнутый угол, номер пункта под пятном от копировального аппарата. Если сейчас сумею произнести его целиком, ему придется отвечать на слова, а не на мой вид.

— Пункт 4.2 Устава Академии имени Н.И. Пирогова, раздел «Права обучающихся», — мой голос дрогнул, но слова вылетели четко, как пули. — Любой студент имеет право на личный прием у администрации в рабочее время для подачи апелляционных жалоб. Зона стерильности распространяется только на операционные блоки и реанимацию. Коридор второго этажа — это общественная зона доступа. Если вы считаете иначе, предъявите внутренний приказ ректора, датированный сегодня утром. Такого приказа нет.

Матвей замер. Тишина стала звенящей. Секретарша перестала полировать стол. Матвей смотрел на меня не как на жертву, которую нужно пнуть посильнее, а как на загадку. Или на угрозу.

— Зачем тебе это? — спросил он тихо, делая шаг ближе. Тень упала на мое лицо. — Ты проиграла битву за инструменты. Тебя лишили практики. Даже если ты попадешь к заведующему, он подпишет бумагу об отчислении за систематическое нарушение дисциплины. Ты сама себя загнала в угол.

— Дело не в инструментах, — ответила я, сжимая кулаки так сильно, что ногти впились в ладони. Боль помогла сосредоточиться. — Дело в принципе. Если я сейчас молча приму роль прислуги, через месяц меня вышвырнут без права апелляции. Я не прошу помощи. Я прошу совета. Где искать прецеденты? Кто еще пытался оспорить незаконное отстранение стипендиатов?

Матвей долго молчал. Его взгляд скользил по коридору, проверяя, нет ли камер или свидетелей. Потом он вздохнул — короткий, сдавленный звук.

— Архивы закрыты для первокурсников-стипендиатов. Доступ только через деканат. А деканат... сам понимаешь.

Он сделал вид, что уходит, но перед тем как скрыться за поворотом, оставил на скамейке рядом со мной старую, потертую папку. На обложке была наклейка: «Архив дисциплинарных дел 2019–2021 (НЕ ДЛЯ СЛУЖЕБНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ)».

Он не сказал ни слова. Просто исчез.

Я смотрела на папку. Картон был холодным и шершавым. Это была ловушка? Проверка? Если Кира узнает, что я рылась в архивах, меня обвинят в краже данных. Но если я не возьму её, я останусь там же, где есть сейчас — на полу, в роли грязной руки.

Рука дрожала, когда я тянулась к папке. Холод бумаги обжег кончики пальцев. Внутри вспыхнул странный, почти запретный азарт. Охотника, а не добычи. Я схватила папку, засунула её под куртку, прижимая к боку, и быстро пошла прочь, стараясь дышать ровно.

Глава 4

Общежитие встречало запахом вареной капусты и сырости. Комната 304 была тесной, с двухъярусными кроватями, которые скрипели от каждого движения воздуха. Я залезла на верхнюю койку, задвинув шторку, и спрятала папку под матрас. Сердце колотилось так, что отдавало в висках.

В дверь не постучали. Она распахнулась с грохотом.

Кира Дорн вошла, как хозяйка бала. На ней был идеальный костюм, волосы уложены, губы намазаны помадой цвета крови. За ней маячила пара девиц из её свиты, хихикающих над чем-то.

— Алина! — Кира улыбнулась, но в глазах не было тепла. Только расчет. — Завтра у нас вечеринка в гостиной академии. Шампанское, торт, много гостей. Мне нужно, чтобы всё было идеально.

Она подошла к моей кровати и пнула ножку лестницы. Я чуть не потеряла равновесие.

— Убери за нами, — продолжила Кира, поправляя манжету рубашки. — До рассвета. Пол, зеркала, бокалы после дегустации. Если хоть одна капля останется на паркете, ты лишишься места в общежитии. Декан любит чистоту. А я люблю удобство.

Я молчала. Внутри всё кипело, но снаружи я была спокойна, как стекло. Кира ждала слез, унижения, просьбы о пощаде. Она хотела увидеть страх.

— Хорошо, — сказала я ровным голосом.

Кира удивленно моргнула. Её план сорвался — ни драмы, ни удовольствия. Она фыркнула, развернулась и хлопнула дверью.

«Золотые дети» ушли, оставив после себя запах дорогих духов и презрения.

Я выждала десять минут. Потом достала папку. Свет в комнате включать нельзя — Кира могла вернуться проверить. Я взяла фонарик из аптечки и юркнула в общий туалет на этаже. Там было темно, холодно и безопасно.

Папка оказалась толстой. Документы были подшиты грубо, но аккуратно. Я листала страницы, освещая их слабым лучом света. Отчисления, выговоры, жалобы... Большинство историй заканчивались одинаково: студент уходил. Но на странице 47 была история парня, которого отстранили за «несоответствие этическим нормам». Он написал жалобу в Министерство здравоохранения, используя шаблон, основанный на процедурных ошибках комиссии.

Шаблон требовал доказательств. Не словесных перепалок, а бумаг. Протоколов. Подписей.

Я почувствовала разочарование. Надежда, которая только начала прорастать, увяла. Помощь Матвея была слишком удобной, слишком своевременной. Может, он специально дал мне это, чтобы я сделала ошибку? Чтобы дать повод для окончательного отчисления?

Утро началось с серого света за окном. Я вышла в столовую, держа в руках поднос с кашей. Люди двигались потоком, шумно обсуждая экзамены и планы на выходные.

Матвей сидел у окна. Он не ел. Просто смотрел в окно, крутя в пальцах карандаш. Когда я подошла ближе, он поднял глаза. Взгляд был тяжелым, пронизывающим.

— Ты читала ночью, — это не было вопросом.

Я замерла, чувствуя, как щеки начинают гореть.

— Матвей, я...

— Не используй шаблон напрямую, — перебил он, понизив голос. Люди вокруг болтали, никто не слушал. — Они ждут этого. Кирина семья контролирует все каналы коммуникации с министерством. Любая стандартная жалоба будет перехвачена и уничтожена до того, как дойдет до адресата.

Он наклонился чуть ближе, и я почувствовала запах кофе и медицинского спирта.

— Используй их же правила против них. Найди ошибку в протоколе осмотра Виктора. Я недоуменно моргнула.

— При чем тут Виктор?

— Его рука дрогнула, Алина. Или это сделал кто-то другой. Посмотри на почерк в графе «осмотренные повреждения». Сравни с его подписью в ведомостях. Картина меняется.

Он выпрямился, забрал свой поднос и ушел, оставив меня одну среди шума столовой. Слова гулко отдавались в голове. Подпись поддельна?

Я попыталась вспомнить, как Виктор подписывал ведомость. Не его лицо — кисть. Ручка ложилась между пальцами без поправки, фамилия занимала почти всю строку. Разве такой человек даст кому-то расписаться за себя? Или именно поэтому никому не придёт в голову проверить?

Но я помнила тот день. Как он велел собрать инструменты голыми руками. Как бросил в меня салфетку. И то, как он смотрел на меня после. Не с ненавистью. С интересом.

Я вернулась в комнату. Вынула из-под матраса копию протокола, которую Кира выдала мне в аудитории два дня назад. Свет лампы резал глаза. Я поднесла бумагу ближе.

Строка «повреждения мягких тканей левой кисти» была написана аккуратным, чуть наклонным почерком. Но подпись внизу...

«В. Стрельцов».

Я сравнивала буквы. Буква «В» в подписи отличалась от той, что я помнила в ведомостях. Здесь она была написана торопливо, без привычного нажима. Почти небрежно. А буква «ц» в фамилии имела характерный завиток, которого не было в образцах его подписи на контрольных листах, которые я случайно запомнила благодаря своей феноменальной памяти.

Виктор не писал этот протокол. Его заполнили за него. Или он был настолько зол, что потерял координацию? Нет. Это было слишком чисто. Слишком грамотно составленное обвинение.

Если я предъявлю это, я разрушу и Киру, и самого Виктора. Я докажу, что его власть — иллюзия, что его решения принимаются за его спиной.

Но Виктор — единственный, кто может дать мне доступ к лаборатории прямо сейчас. Без него я никто. С ним — тоже никто, но хотя бы с шансом.

Выбор между правдой и выживанием стал физически ощутимым. Горло перехватило спазмом. Я сжала листок так, что бумага сморщилась.

За окном начинался дождь. Капли барабанили по стеклу, как тысячи маленьких молотков. Я посмотрела на подпись. На копии россыпь чёрных точек распадалась по краям букв. Я поднесла лист к лампе: лишний завиток на «ц» никуда не исчез.

А в кармане лежал телефон. Экран светился уведомлением от неизвестного номера. Сообщение состояло всего из одного слова:

«Приходи.»

Отправитель не указан. Но я знала, кто это.

Я сжимала распечатку так, что край бумаги вдавился в ладони, а костяшки побелели. Пот ручейками стекал по вискам, пахла не дезодорантом, а страхом — кислым, животным запахом загнанного зверя. Кабинет декана Ковалёва был прохладным и стерильным, как операционная после смерти пациента.

— Это подделка, — мой голос дрожал, предательски срываясь на фальцет. Я толкнула листок через полированный стол к его рукам. — Подпись Стрельцова неверна. Посмотрите на угол наклона пера, на разрыв чернил в букве «В». Этот протокол составлен с поддельной подписью, а наказали по нему меня! Верните мне доступ к лаборатории. Пожалуйста.

Ковалёв даже не коснулся бумаги. Он смотрел поверх очков, скучающе, будто я предлагала ему испорченный йогурт.

— Алина Ветрова, — произнес он мягко, но от этой мягкости у меня заложило уши. — Вы студентка первого курса, стипендиатка из деревни, где нет интернета. Вы пытаетесь обвинить дочь ректора и сына главного хирурга в уголовном преступлении на основании графологической экспертизы, сделанной вами за ночь в общежитии? Это не жалоба. Это детская шалость. Печати кафедры нет. Доверия к вам тоже нет.

Я придвинула распечатку ещё на несколько сантиметров. Он мог бы просто сравнить две подписи, даже не соглашаясь со мной. Но край листа уперся в его клавиатуру, и Ковалёв отодвинул её вместо того, чтобы взять бумагу. Я открыла рот, чтобы возразить, но слова застряли в горле комком ваты. Голос снова дрогнул, выдавая мою неуверенность, которую он так легко считывал.

Дверь распахнулась без стука.

Кира вошла, словно хозяйка этого мира, поправляя идеально ровную складку на юбке. От неё пахло дорогими духами — сандалом и чем-то цветочным, приторно-сладким. Этот запах ударил в нос сильнее пощечины. Она улыбнулась той самой улыбкой, которую видела весь курс: вежливой, пустой, опасной.

— Ой, ты еще здесь? — Кира прошла внутрь, не глядя на меня, и села в кресло напротив, закинув ногу на ногу. — Декан, я только что вспомнила одну деталь. Ночью, когда я проверяла архив для своего реферата... я видела Алину. Она копалась в закрытых делах прошлых лет. Знаешь, какие там документы? Коммерческая тайна академии. Ты же не хочешь, чтобы этот слух попал в соцсети, да, Алин?

Воздуха стало меньше. Кира использовала авторитет отца как щит, превращая мою попытку защиты в атаку на репутацию всего заведения.

— Признай ошибку, — ее голос стал тише, интимнее, как совет лучшей подруги. — Уходи из медицины. Тебе будет лучше там, откуда ты приехала. Так будет честнее. Для всех.

Гнев, горячий и острый, вспыхнул внутри меня, перебивая стыд. Я резко развернулась к ней, чувствуя, как бешено колотится кровь в висках.

— Где доказательства? — спросила я, стараясь говорить твердо, хотя пальцы все еще дрожали. — Ты сама там была? Кто видел?

— Тихо, — раздался низкий баритон у двери.

Я замерла. Виктор Стрельцов стоял в проеме, засунув руки в карманы халата. Его лицо было каменной маской, глаза темными и бездонными. Он не смотрел на Киру или декана. Только на меня. С тем самым презрением, которое он дарил всем слабакам. Но сегодня в нем было что-то другое. Холодная расчетливость хищника.

— Виктор, — выдохнула я. Наивная дрянь. Я повернулась к нему, как к спасительному кругу. Он был старостой курса, он знал систему. Он мог подтвердить, что подпись поддельная. — Скажи им. Скажи, что ты никогда не подписывал тот протокол осмотра. Скажи, что это ложь!

Глава 5

Виктор молчал секунду. Две. Три. Медленно достал телефон. Экран засветился синевой в полумраке кабинета. Он повернул гаджет ко мне.

На экране была переписка. Мое имя. И сообщения, написанные моим стилем, но чужими руками.

«Да, я взяла файлы. Мне нужны были деньги на лечение матери. Прости».

Мир качнулся. Мои ноги подкосились, я схватилась за край стола, чтобы не упасть. Это ловушка. Они перехватили мои сообщения, исказили смысл, добавили то, чего я не писала. Или... я стала жертвой манипуляции с собственным доверием? Я не помню такого диалога. Я никогда не писала это.

— Это фейк! — крикнула я, чувствуя, как горят щеки. — Это подлог!

— Хватит истерить, — ровно сказал Ковалёв, нажимая кнопку на телефоне. — Охрана. Полиция. Инцидент с возможным хищением интеллектуальной собственности.

Дверь открылась, и в кабинет шагнули двое крепких мужчин в форме ЧОПа. Их лица были непроницаемы. Они перекрыли единственный выход.

Кира наклонилась ко мне, почти касаясь моего уха губами. Её шепот был ледяным и сладким, как отрава.

— Ты слишком глупа для этой игры, Алин. Слишком простая.

Рюкзак лежал на полу рядом со мной. Там были копии страниц из папки Матвея и распечатка протокола. Улика. Доказательство того, что я ничего не крада, а лишь читала открытый доступ. Я рванулась к нему.

— Не смейте трогать мои вещи!

Один из охранников грубо перехватил мою руку. Боль ударила в плечо, резкая, электрическая. Меня развернули спиной к стене, прижав лопатками к холодному бетону. Я чувствовала, как кто-то шарит по моим карманам, выворачивает их наизнанку. Бумаги рассыпались по полу.

— Отпустите! — мой крик тонул в гуле включенных мигалок за окном. Красный свет пульсировал на стенах, делая комнату адской.

Дверь снова хлопнула. Матвей Громов ворвался внутрь. Его куртка была мокрой от снега, лицо бледным и напряженным. Он выглядел так, будто бежал сюда со всех ног через университет.

— Стоять! — рявкнул он охранникам. Голос интерна дрогнул, но в нем была сталь. — Я дежурный врач. Эта девушка нуждается в осмотре. Есть признаки насилия.

Ковалёв поднялся, одергивая пиджак.

— Громов, это административный вопрос. Вы не имеете права вмешиваться в работу полиции и охраны. Выйдите. Немедленно.

Матвей не двинулся. Он посмотрел на меня, из-за плеча охранника, и в его глазах я увидела ужас и ярость одновременно. Затем он медленно достал планшет.

— Вот запись с камер коридора, — сказал он тихо, но четко. — Ровно в 02:14 ночи. Кира Дорн передает кому-то папку с документами, которые числятся как украденные у вас, господин декан. Совпадение?

Тишина повисла в воздухе. Тяжелая, звенящая. Ковалёв наконец посмотрел на экран. Я выпрямилась под рукой охранника — и тут же пожалела: плечо прострелило болью. Хотелось крикнуть Матвею, чтобы сохранил запись, не спорил, не дал им стереть её. Он уже спорил.

Кира усмехнулась, поправляя волосы.

— Фейковая запись, Матвей. Ты всегда был наивен.

В дверь вошли полицейские. Два сотрудника в форме, мрачные и профессиональные. Они не слушали споры студентов и преподавателей. Они действовали по протоколу.

— Гражданка Ветрова, проследуйте с нами, — сухо сказал один из них.

Матвей сделал шаг вперед, преграждая путь полицейскому, уже схватившему меня за запястье.

— Подождите! Вы не можете просто...

Рука легла на плечо Матвея. Виктор Стрельцов. Он стоял позади интерна, высокий, темный силуэт против света.

— Не лезь, — сказал Виктор. Голос был тихим, почти дружеским. — Ты потеряешь всё. Интернатуру. Карьеру. Семью. Ты не победил систему, Матвей. Ты только показал им свои слабые места.

Матвей замер. Его челюсти сжались так сильно, что вздулись желваки. Он смотрел на Виктора с ненавистью, чистой и абсолютной. Потом перевел взгляд на меня. В его глазах была беспомощность. Он не мог спасти меня. Не сейчас. Не здесь. Система оказалась сильнее его совести.

Он опустил руки. Отпустил мой рукав, которого едва коснулся.

Полицейский дернул меня за собой. Я не сопротивлялась. Сопротивление было бесполезно. Меня вели к выходу, мимо Виктора, мимо Киры, которая уже смеялась над какой-то шуткой декана.

У лифта, пока двери закрывались, я успела увидеть лицо Виктора. Он не улыбался. Он смотрел на меня проницательно, изучающе, как хирург смотрит на новый инструмент перед вскрытием.

Полицейская машина (для «опроса», сказали они) отвезла меня в участок. Запах пота, металла и дезинфекции в кабине вызвал тошноту. Я сидела на заднем сиденье, пристегнутая ремнем безопасности, как товар. Сквозь тонированное стекло я видела, как Матвей стоит у здания академии, засунув руки в карманы. Один. Против всех.

В участке было холодно и серо. Следовательно, грузный мужчина с усталыми глазами, положил передо мной мои вещи. Телефон. Кошелек. Обрывки бумаг.

— Алина Сергеевна, — начал он, листая дело. — Обвинение в хищении интеллектуальной собственности в особо крупном размере и попытке подкупа должностного лица. У вас есть адвокат?

Я молчала. Родители в деревне не понимали сути. Они бы просто заплакали и сказали: «Слушайся старших, дочка». А я слушалась всю жизнь. И вот результат.

— Нет, — прошептала я.

— Тогда говорите коротко. Вы признаете вину?

Я посмотрела на свои руки. Синяк на запястье от охранника наливался фиолетовым. Я вспомнила, как Виктор показывал телефон. Как Кира шептала на ухо. Как Матвей опускал руки.

На пакет с моим телефоном легла рука следователя. Даже мои вещи теперь были у человека, который ждал от меня удобного ответа. Я могла заплакать и повторить «не виновата». Но он уже слышал это. Ему нужно было имя; мне — время добраться до доказательств.

— Я не крала, — сказала я, и голос звучал спокойно, равнодушно. Даже для меня самой. — Но я знаю, кто это сделал. И я могу доказать это. Если вы дадите мне время.

Следователь хмыкнул, скептически. Он не верил мне. Никто не верил.

Он сунул телефон обратно в пакет с вещдоками. Экран мелькнул, подсвечивая уведомление от неизвестного номера.

Я не смогла отвернуться. Текст вспыхнул в памяти, четкий, как выжженный клеймом.

«Завтра в 8 утра. Старый корпус. Приходи одна. Или они закроют дело навсегда.»

Отправитель скрыт. Но я узнала эту манеру приказывать: время, место, угроза вместо подписи. Я была уверена, что это писал Виктор.

Не для того, чтобы уничтожить. А чтобы дать шанс. Тест на прочность. На способность играть по правилам сильных мира сего.

Свет в кабинете мигнул и погас. Темнота накрыла меня, плотная и давящая. Я осталась одна в своей клетке, но впервые за долгое время почувствовала вкус крови во рту. Вкус надежды. Горький, металлический, живой.

Глава 6

После опроса меня отпустили, вернув вещи. Утром Виктор встретил у старого корпуса: «Иди на практику. Допуск открыли до решения комиссии». Даже это он сказал как приказ.

Воздух в анатомическом зале пах формалином и чужим высокомерием. Я стояла у дальней стены, прижимая к груди свой потрепанный набор игл и нитей, как щит. У свободного стола я поставила кейс и откинула крышку. Вокруг кипела жизнь: студенты весело гудели, разбиваясь на пары, смеялись над шутками декана кафедры травматологии. Я поискала глазами свободного напарника. Девушка у соседнего стола встретила со мной взглядом и сразу придвинула стул к подруге. Я придержала крышку кейса, чтобы она не захлопнулась: хоть свой стол оставляю за собой.

Кира Дорн подошла ко мне неспешно, цокая каблуками по линолеуму. Её халат был белоснежным, без единого пятнышка, а улыбка — острой, как скальпель.

— Алина, — протянула она, и её голос прозвучал так громко, что несколько голов повернулись в нашу сторону. — Ты же понимаешь, что тебе нельзя входить в стерильную зону? У тебя руки... грязные. От этого запаха общежития для стипендиатов. Не хочу рисковать инструментами.

Я сглотнула ком в горле, чувствуя, как кровь приливает к щекам. Это было унижение. Публичное, демонстративное.

— Мне нужно выполнить задание, Кира. Это требование преподавателя, — мой голос дрогнул, но я заставила себя посмотреть ей в глаза.

Она усмехнулась, скривив идеальные губы.

— Задание? Для таких, как ты, есть только одно задание — убирать за нами. Но если так настаиваешь...

Кира сделала резкое движение рукой, смахивая мой открытый кейс со стола. Иглы звонко рассыпались по полу, смешавшись с пылью и крошками от печенья. Нити запутались в узелки.

— Ой, прости. Скользкие пальцы, — она фыркнула, развернувшись к своим подругам. — Давай, Маша, иди сюда, покажу тебе новую технику наложения швов.

Студенты засмеялись. Смех был тихим, но меня он оглушил. Я медленно опустилась на колени. Пол был холодным и шершавым. Каждый шаг вокруг меня звучал как насмешка. Я ползала среди ботинок, собирая свои инструменты, чувствуя, как слезы жгут глаза, но не позволяя им упасть. Не плакать. Не здесь. Не перед ними.

— Время вышло! Пары сформированы, кто остался один, получает «неуд» автоматически! — голос преподавателя разрезал воздух.

Я замерла с иглой в руке, глядя на пустое место рядом с собой. Все уже сидели. Все, кроме Виктора Стрельцова. Он занимал стол у окна, спиной ко мне. Его фигура была напряженной, сосредоточенной на своей части модели кисти. Он даже не смотрел в мою сторону.

Мой мир сузился до этой точки. Отказ. Изоляция. Провал.

И вдруг тень накрыла меня. Виктор поднялся. Он не сказал ни слова. Просто молча присел на корточки прямо в дорогом костюме, игнорируя пыль на полу. Его длинные пальцы подобрали последнюю нить из лужицы грязи, вытерли её о ткань своей рубашки — дорогой, белой, которая теперь стала серой от пыли — и положили обратно в мой раскрытый кейс.

Он не посмотрел на меня. Ни капли жалости. Ни капли интереса. Я следила за его манжетой: серый след остался на белой ткани. Тогда он бросил в меня салфетку из-за капли крови. Сегодня сам пачкал рубашку. Он мог встать и передумать; я придвинула кейс к коленям раньше, чем он успел бы это сделать.

— Садись, — коротко бросил он, возвращаясь к своему месту.

Я не верила своим ушам. Медленно, словно во сне, я взяла кейс и села напротив него. Между нами лежал стол, заваленный моделями, инструментами и тишиной.

Виктор переставил стул так, чтобы между нами образовалась пропасть в два метра. Он отвернулся, начав работать над сухожилиями большого пальца, демонстрируя полное отсутствие желания общаться. Я чувствовала себя прокаженной, пристегнутой к его успеху против воли.

Но дедлайн тикал. Если мы не закончим вместе, он тоже получит неуд. А Виктор Стрельцов не терпит неудач.

Я открыла свой набор. Руки дрожали, но память работала четко. Я начала сшивать модель ладони, используя технику, которую считали устаревшей в академии — грубую, но надежную «обвивку», которую меня научила бабушка-фельдшер в деревне. Она требовала меньше точности движений, но больше силы и ритма.

— Что это за варварство? — не оборачиваясь, спросил Виктор. Его голос был ровным, но в нем читалось презрение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.